

АЛЕКСАНДРА НАРИН

УКРАДЕННЫЙ ГОРОД

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н28

Редактор серии *К. Буянова*
Оформление серии *Я. Клыга*

Нарин, Александра.

Н28 Украденный город : роман / Александра Нарин. – Москва : Эксмо, 2024. – 320 с.

ISBN 978-5-04-187190-1

Дели – свирепый мегаполис, город джунглей вдоль магистралей, ветхих особняков и тайной любви. Меняются эпохи, в семье обедневших махараджей уживаются тираны и жертвы, путаются ветви семейного дерева. В мечтательные шестидесятые, беспокойные восьмидесятые и после миллениума дочери древнего рода ведут двойную жизнь, ходят по грани между благочестием и изнанкой столицы. Судьбы их сплетаются с делийскими легендами.

«Украденный город» – многослойная книга о жителях Дели, роман-лабиринт с винтажной эстетикой и калейдоскопом историй, которые причудливо переплетаются. Мы заходим в старый хавели взглянуть на жизнь семьи, но, как всегда на востоке, за одной приоткрытой дверью оказывается сотни дверей.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Нарин А., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-187190-1

*В складках сари прячется тайна
О мире, где еще бродят наики
По пустынным улицам
 навстречу любви запретной,
А глаза их тлеют, как фонари зимой.*

Арухандати Субриманиам,
«Семейная реликвия»

БЕССОННИЦА ГАУРИ

Да, тайные любовники, в этих закоулках, куда ни пойдешь, все равно возвратишься на прежнее место. Только повернули в проход, беременный проводами, и снова у двери с грязной табличкой. Имя в коричневой паутине, как в толстых волосах уснувшей афганки. Шерстью пыли заросли двери и лампа над входом. Ищите лестницу для своего поцелуя. Кругом глаза, а в гостиницах вас ловит полиция. Какая долгая зима!

Скользнули в сумрак, поднялись по старым ступеням, подхваченные жаждой друг друга. Руки сцепились яростно. Смердит плесень, сгнившие времена, старый воздух оседает в горле.

А давно ли здесь стучали стаканы и нитяные шторы переливались на солнце? Сочилось благоухание заварки, одеколona, новых туфель, сандалового масла. А она стояла, Гаури, утопленная в сиянии украшений и одежд. Трогала стену Гаури, и стена была покрашена свежей краской.

По приказу отца меняла Гаури на камиз смелое платье с круглой юбкой, осыпанной желтыми розами. От переодеваний задохнулась, вспотела, пряный девичий запах разлился в парсале¹. Мы смотрели на пышное тело, подглядывали из-за щели жадно.

В комнате, за блеском штор, мог быть будущий хозяин ее жизни или очередной гость, который уйдет с ожогами во рту от наскоро проглоченного чая.

Лучше бы они сосватали ее в колыбели, как поступали предки. До первых месячных матери, предупреждая гороскопы и появление имени. До того, как ее могли бы рассмотреть.

Тайные любовники, прячущие влечение в тлен, здесь когда-то дым папирос царапал глаза. А она, Гаури, шага не могла ступить, хватаясь за стену цвета зимней полуночи.

Река бурых листьев

Она родилась на берегу Поруная, реки, чьи потоки питались бурой плотью юга, гнилыми ротангами, корнями диких цветов. Мама старалась, но не могла смыть мокрую землю с кожи дочери.

¹ Парсал — промежуточный переход, коридор в старых восточных особняках, хавели.

Украденный город

— Где наш жженый сахар? — говорил мамин брат, притворялся, что не видит ребенка во мраке вечерней комнаты.

— Да, кого-то слишком долго держали в печи, — бормотал разочарованный отец, когда мать виновато прикладывала младенца к груди.

Через сорок дней после родов отец с матерью уехали домой в Дели, заводить других детей. Они оставили девочку жене брата вместе с именем, которое должно было ее отбелить.

— Ну, назовите, что ли, Гаури, белая.

Имя не спасло, со временем кожа становилась лишь темнее, как горячая вода, в которую насыпали чаю. Никто не знал, как тамильская кровь капнула на мраморное дерево рода.

Винили коричневую реку, кишащую змееголовыми рыбами, которые сглазили мать; положение во сне; холодные фрукты; поездку на юг — суеверие, о котором беременная, дрожа всем телом, говорила:

— Ведь роды должны пройти в доме матери.

Подозревали и саму роженицу, никогда не ступавшую в одиночестве дальше садовой ограды. Но нам ли не знать, что всякое случается и в пределах дома.

Юная мама сотрясалась от страха: как привезти такого младенца свекрови. Они с мужем сбежали утренним поездом, закрыли смущение тканью расстояния.

Солнце Нилая

В доме родственников Гаури искупали в щедрости, окутали лаской. Ее досыта поили жирным молоком из грудей кормилицы, красно-черных и блестящих. Укладывали в семейную кровать между опекунами, отгоняли от нее москитов.

Утром Гаури будили звуки пахтанья из соседнего дома, где держали коров. В восточные окна врывалось солнце, нагревало полы, так что горячо было встать. Черные ладони сжимали лучи, как густую траву. Лучи протыкали дым кухни, где служанки с жасмином в волосах готовили завтрак и давали девочке с пальцев скрученную в шарики еду. Мелодия их браслетов разливалась далеко за город.

Гаури уносил водоворот игр с кудрявыми тамильскими детьми. Дети катились между разноцветных стен, как горошинки черного перца. Они были верными волчатами Гаури. Кто-то из них, возможно, приходился ей кровной родней.

В праздник на крышах стояли мужчины в саронгах, белых с золотой каймой. Над разноцветными домами лежало небо — голубое стекло, гладкое, омытое чисто. Осколки солнца сверкали в струях воды из козлиных кож, которыми садовник поливал землю плантации. Банановые деревья, одного роста с Гаури, тоже были ее дру-

Украденный город

зьями. Павлины ходили по красным дорогам и весело вопили.

Солнца было много, как молока в груди кормилицы, которое Гаури жадно сосала, забегая домой. Молоко лилось, образуя пену на тугой коже. Никто и не думал отлучать Гаури от груди. Во время кормления дядя объяснял ей английский – валюту, на которую можно многое обменять. Девочек тогда такому не учили. А он хотел, чтоб племянница была жемчужиной, редкой, синей.

Гаури сидела на качелях, свесив крепкие ноги, а тетушка осыпала ее лепестками слов.

– Ты самая красивая, моя вечная любовь! Посмотри, – кричала она мужу, – какое у Гаури лицо!

Тетя говорила так, будто сама придумала и выточила Гаури. Она падала на качели, и утренняя луна дрожала в ее смоляных локонах, уложенных по-европейски. Гаури прижималась к коралловому сари с клетчатой каймой. Все тельце девочки, сытое, здоровое от постоянного движения напоминало статуи, которыми англичане украшали свои сады. Только не мелового, а черного камня.

Вечерами осветитель брел по улице с лесенкой-сири и зажигал газовые фонари. Служанки обильно поливали террасу водой и ложились ночевать. Перед сном они пели медленные песни юга.

Родители приезжали на поезде, привозили подарки и белокожих сестрицу с братцем. Мама, почти незнакомая, Гаури брала ее за руку и отводила глаза. Родители исчезали, оставляя в воздухе мраморную пыль. Гаури запивала мраморную крошку жирным молоком кормилицы.

Когда закончилась мировая война, дядюшка сообщил об отъезде. Говорили, что Англия очень цивилизованная страна, и улицы там такие чистые, что с них можно есть. Родители приехали в последний раз. Они оторвали Гаури от бескрайней груди, к которой она так привыкла за шесть лет, и увезли на поезде из рая в столицу.

Кожа

Любовники, в неудержимом влечении вы пачкаете спины о деревянные колонны парсала. Полосы остаются на одежде. Раньше тут и на бумажных цветах не было пыли. Она вошла сюда, Гаури, черная и к тому же обсыпанная угольной копотью паровоза, а бабушка, которую все звали Мамаджи, сказала:

— Мы не берем в слуги детей.

Когда же ей объяснили, что это ее внучка, Мамаджи перестала говорить с людьми. В ее уме и глубоко в крови разорвались горячие звезды. Века правления бледных султанов и европейцев с водянистыми глазами научили думать, что

Украденный город

светлая кожа — символ превосходства, красоты и высшего сословия. Бабушка, принцесса и дочь махарани, отказалась заботиться о внучке и велела не показывать ее соседям.

— Если кто-то спросит, так говорите, что это ребенок бхести, водоноса.

— Но ведь он больше не работает, у нас теперь водопровод.

Мамаджи стряхивала шум, как разноцветные ткани Раджастанана, залежавшиеся в сундуке:

— Не знаю, скажите людям что-нибудь!

Гаури до того было знакомо только счастье. Она вривалась в комнаты, звала бабушку по-тамилски — «патти», а тетюшек — «аяш», требовала грудного молока. Бабушка спрашивала маму:

— Твой брат действительно ученый? Что они там делали с ребенком?

Все хотели исчезновения Гаури и не теряли надежды, что однажды бродяги унесут ее за Ямуну. Только вторая жена Пападжи, родная бабушкина сестра, немая от интриг королевского детства, иногда давала Гаури беглую ласку, как чужому котенку.

— Найдем ли мы ей достойного мужа? — спрашивал отец.

— Ха! Конечно, придется колупать остатки, — отвечала Мамаджи.

— Этому подгорелому ребенку нужно образование, — говорил ее угрюмый сын.